

УДК 141:316.462

ББК 87.3(2)61-07

Илья Вячеславович Дёмин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, доктор философский наук, доцент, профессор кафедры философии, Россия, Самара, e-mail: ilyadem83@yandex.ru

Понятие власти в философско-политических концепциях Л.А. Тихомирова и Б.П. Вышеславцева¹

Аннотация. Проводится сравнительный анализ двух трактовок и методологических стратегий обоснования идеи власти, представленных в философско-политических концепциях Л.А. Тихомирова и Б.П. Вышеславцева. Исследование проведено с применением компаративного метода и с использованием проблемно-тематического способа анализа и изложения материала. Обоснован тезис о том, что оба философа рассматривали понятие власти в общем контексте христианского миропонимания и ставили вопрос о нравственном оправдании власти. Доказано, что в концепции Л.А. Тихомирова власть, будучи первичным фактом социальной жизни, получает нравственное оправдание через служение Богу и нравственному идеалу нации; власть оправдана в той мере, в какой она является властью идеи, идеократией. Проанализирован тезис Б.П. Вышеславцева о несовместимости идеократической модели государственной власти с христианским учением о свободе. Показано, что Л.А. Тихомиров рассматривал власть как первичное и конститутивное начало социальной жизни, не противостоящее идее самостоятельности личностного бытия, Б.П. Вышеславцев же видел сущность власти в гетерономном принуждении, несовместимом с презумпцией свободы и достоинством личности. В результате проведенного исследования сделан вывод о несовместимости двух трактовок власти, которая объясняется не только тем обстоятельством, что русские философы по-разному определяли объем понятия «власть», но и тем, что они руководствовались различными философско-антропологическими презумпциями. Показано, что Л.А. Тихомиров исходил из понимания человека как существа, стремящегося не столько властвовать над другими, сколько подчиняться верховной власти идеи, тогда как Б.П. Вышеславцев видел первичную и естественную интенцию человеческой самости в восстании против гетерономного властного приказа.

Ключевые слова: власть, проблема власти, социальная власть, идеократия, демократия, политическая философия Тихомирова, философия Вышеславцева, русский консерватизм, русский либерализм, русская религиозная философия

¹ Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ» (The article was prepared with support from the Grants Council of the President of the Russian Federation, Project MD-2252.2021.2 “The Political Language of Russian Conservatism: A Cultural and Semiotic Analysis”).

Илья Vyacheslavovich Demin

Samara National Research University, Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, Professor at the Department of Philosophy, Russia, Samara, e-mail: ilyadem83@mail.ru

The Concept of Power in the Philosophical and Political Concepts of L.A. Tikhomirov and B.P. Vysheslavtsev

Abstract. The article provides a comparative analysis of two interpretations and methodological strategies for substantiating the idea of power, presented in the philosophical and political concepts of L.A. Tikhomirov and B.P. Vysheslavtsev. A problem-thematic method of analysis and presentation of the material in the research process was used. The article substantiates the thesis that both philosophers considered the concept of power in the general context of the Christian worldview and raised the question of the moral justification of power. The author shows that in L.A. Tikhomirov's conception, power, being the primary fact of social life, receives moral justification through service to God and the moral ideal of the nation; power is justified to the extent that it is the power of the idea, ideocracy. The article analyzes B.P. Vysheslavtsev's thesis about the incompatibility of the ideocratic model of state power with the Christian doctrine of freedom. The article shows that L.A. Tikhomirov considered power as the primary and constitutive principle of social life, not opposed to the idea of independence of personal existence; B.P. Vysheslavtsev, on the other hand, saw the essence of power in heteronomous coercion, incompatible with the presumption of the freedom and dignity of the individual. As a result of the study, it was concluded that the incompatibility of the two interpretations of power is explained not only by the fact that Russian philosophers defined the scope of the concept of "power" in different ways, but also by the fact that they were guided by various philosophical and anthropological presumptions. The author shows that L.A. Tikhomirov proceeded from the understanding of a person as a being striving not so much to rule over others, as to submit to the supreme power of an idea, while B.P. Vysheslavtsev saw the primary and natural intention of the human self in rebellion against a heteronomous authoritative order.

Key words: power, power problem, social power, ideocracy, democracy, Tikhomirov's political philosophy, Vysheslavtsev's philosophy, Russian conservatism, Russian liberalism, Russian religious philosophy

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.2.087-106

Несмотря на то, что сложившиеся на протяжении XVIII–XIX вв. границы между тремя базовыми идеологиями (либерализмом, социализмом, консерватизмом) все более размываются (и на уровне теоретической рефлексии, и на уровне массового общественного сознания), современная политико-правовая мысль по-прежнему идентифицирует себя преимущественно *идеологически*.

«Власть» является одним из тех понятий, посредством которых философская рефлексия не только смыкается с политико-идеологической сферой, но и начинает влиять на формы и содержание самой социальной жизни. Вот почему, начиная с классической философии античности и вплоть до нашего времени, вокруг идеи власти не утихают теоретические споры².

² Об основных значениях и вариантах употребления термина «власть» в современном интеллек-

Особенность современных философских дискуссий по поводу «власти» и смежных с ней категорий («господство», «порядок», «насилие», «принуждение») заключается в смещении исследовательского фокуса с институциональных на неинституциональные (экзистенциальные и повседневные) аспекты функционирования власти³. Следование в русле этой тенденции приводит к тому, что объем понятия «власть» предельно расширяется (вплоть до «власти любви», «власти совести» т.д.), а его содержание размывается и становится все более неопределенным.

Не отрицая значимости изучения неинституциональных, неполитических аспектов власти, подчеркнем, что исходной и приоритетной областью для рассмотрения проблемы власти остается все же *философия политики*, при этом трактовка сущности власти определяется не только выбранной философской методологией, но и целостным контекстом политического мировоззрения. В этой связи обращение к истории русской философско-политической мысли кон. XIX – пер. пол. XX в., в которой был представлен чрезвычайно широкий спектр мировоззренческо-идеологических позиций и направлений, позволяет понять истоки и прояснить теоретические рамки современных дискуссий вокруг понятия власти.

Ниже предлагается сравнительный анализ двух трактовок и методологических стратегий обоснования идеи власти, представленных в философско-политических концепциях Льва Александровича Тихомирова и Бориса Петровича Вышеславцева.

Л.А. Тихомиров обращался к проблеме обоснования и религиозно-этического смысла власти в работах «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897 г.)⁴, «Монархическая государственность» (1905 г.)⁵, а также в ряде брошюр и статей⁶. Б.П. Вышеславцев анализировал различные аспекты понятия власти (социально-психологический, правовой, этический, религиозный) в «Этике преображенного Эроса» (1931 г.)⁷, статьях «Социальный вопрос и

туальном контексте см.: Матвейчев О.А. Понятие власти и эволюция либерализма // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 62–82 [1].

³ См.: Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара: Самарский университет, 2009 [2].

⁴ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М.: Унив. тип., 1897 [3].

⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998 [4].

⁶ Напр.: Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная. М.: Унив. тип., 1896 [5]; Тихомиров Л.А. Социализм в государственном и общественном отношении. М.: типо-лит. И. Ефимова, 1907 [6].

⁷ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика, 1994 [7].

ценность демократии» (1932 г.)⁸ и «Проблема власти и ее религиозный смысл» (1934 г.)⁹, а также в работе «Кризис индустриальной культуры» (1953 г.)¹⁰.

Несмотря на то, что философские работы Л.А. Тихомирова и Б.П. Вышеславцева вызревали и создавались в различных исторических и политических условиях¹¹, их объединяет не только общая проблематика, но и стремление рассматривать категорию власти в контексте целостного христианского мировоззрения.

Социально-философские, политико-правовые, этические воззрения Л.А. Тихомирова и Б.П. Вышеславцева неоднократно рассматривались как отечественными¹², так и зарубежными¹³ исследователями, однако сравнительный анализ представленных в их работах трактовок понятия власти еще не проводился.

Обратимся вначале к тем сходствам, которые обнаруживаются у обоих философов в постановке проблемы власти и подходах к ее решению.

⁸ См.: Вышеславцев Б.П. Социальный вопрос и ценность демократии // Новый Град. 1932. № 2. С. 39–50 [8].

⁹ См.: Вышеславцев Б.П. Проблема власти и ее религиозный смысл // Путь. 1934. № 42. С. 3–21 [9].

¹⁰ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017 [10].

¹¹ Теория монархической государственности создавалось Л.А. Тихомировым на рубеже XIX–XX вв. в условиях кризиса монархического политического сознания и правосознания в России, эта теория представляла собой попытку реактуализации монархической идеи в новых интеллектуальных и социально-политических условиях (см.: Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX–начале XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007 [11]). Что же касается Б.П. Вышеславцева, то его философско-политические взгляды формировались в 20–40-е гг. XX в. в условиях интеллектуального противостояния русской философской эмиграции большевистской «идеократии» (см.: Алешин А.И. Критика Б.П. Вышеславцевым философии К. Маркса и индустриализма // Борис Петрович Вышеславцев / под ред. А.И. Алешина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 258–316 [12]).

¹² Напр.: Кудрявцев В.К., Шириняц А.А. Идеалы и политика: монархическая государственность Л.А. Тихомирова // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 6. С. 45–50 [13]; Смолин М.Б. Государственные идеи Льва Тихомирова // Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии. М.: Москва, 1999. С. 5–18 [14]; Попов Э.А. Проблема верховной власти в политико-правовых доктринах Л.А. Тихомирова и Б.Н. Чичерина // Философия права. 2005. № 2(14). С. 14–17 [15]; Камнев В.М. Русская консервативная мысль XIX – начала XX века. Опыт типологии. СПб.: Наука, 2012 [16]; Гаврюшин Н.К. Б.П. Вышеславцев и его «философия сердца» // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 55–62 [17]; Алешин А.И. Проблема власти в творчестве Б.П. Вышеславцева // Борис Петрович Вышеславцев / под ред. А.И. Алешина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 246–257 [18]; Осипов И.Д. Антитеза закона и благодати в антропологии права Б.П. Вышеславцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 2. С. 44–50 [19]; Соболев А.В. Б.В. Вышеславцев: творческий облик // Борис Петрович Вышеславцев / под ред. А.И. Алешина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9–20 [20]; Шестопалов С.В. Аксиология права в философии российского консерватизма: Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2009 [21].

¹³ Напр.: Tidmarch K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. 1961. Vol. 20. № 1. P. 45–63 [22]; Thaden Edward C. Conservative nationalism in nineteenth century Russia. Washington: Univ. press, Seattle, 1964. P. 181–221 [23]; Gleason A. The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. 1967. Vol. 36, №. 3. P. 414–429 [24]; Wada H. Lev Tikhomirov: His Thought in His Later Years, 1913–1923. Tokyo, 1987 [25].

Оба философа исходили из религиозно-этического и ценностного примата личности и свободы над любыми социально-политическими формами и институтами. Так, Л.А. Тихомиров писал: «Личность человека в политике есть основная реальность. Все коллективности, общество, государство – все это имеет смысл только как среда развития и жизни личности» [4, с. 563]. Именно человеческая личность, возможности ее развития полагались Тихомировым в качестве мерила и критерия оценки всех форм власти: «Из различных форм власти выше та, которая с наибольшим вниманием относится к личности, испытывает наибольшее ее влияние, дает ей наибольший простор творчества» [4, с. 567]. Та же фундаментальная презумпция обнаруживается и в работах Б.П. Вышеславцева¹⁴.

Оба философа рассматривали власть как *двусторонние* отношения и исходили из того, что любая (даже самая деспотическая) власть в конечном счете опирается на *признание* и предполагает хотя бы минимальную степень автономии и самостоятельности личности. «Самость, – писал Вышеславцев, – в принципе неуничтожима, она существует даже в рабском повиновении, ибо всякая власть опирается на признание» [10, с. 191].

К несомненным сходствам в построениях философов следует отнести также признание идеи естественного права как ценностного ориентира законотворческой деятельности государственной власти. «Права и обязанности личности, – отмечал Л.А. Тихомиров, – вытекают в первичном источнике из естественного права, прирожденного, связанного с самой природой личности, общества и государства» [4, с. 569]. Б.П. Вышеславцев, отождествлявший «естественное право» с правом «идеальным» и «справедливым»¹⁵, видел в нем бесконечную задачу и критерий оценки всякого исторически конкретного правопорядка.

Персоналистская установка, провозглашаемая обоими философами, вытекает из их стремления рассматривать понятие власти в общем контексте христианского миропонимания. Однако, провозглашая одни и те же принципы, Л.А. Тихомиров и Б.П. Вышеславцев, как будет показано ниже, приходили к различным и во многом несовместимым трактовкам сущности власти.

Л.А. Тихомиров о природе социальной власти

Общее понимание сущности социальной власти в концепции Л.А. Тихомирова может быть выражено в следующих тезисах:

- 1) власть есть исконное, универсальное, этически нейтральное начало социальной жизни;
- 2) власть предполагает подчинение, но не сводится к принуждению;

¹⁴ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры... С. 176.

¹⁵ Там же. С. 200.

3) «свобода» и «власть» есть проявления одного и того же начала – самостоятельности и автономии личности.

В философско-политической концепции Л.А. Тихомирова факт власти рассматривается как исходный и неустрашимый. Власть уподобляется не подлежащим этической оценке явлениям природы. «Факт власти в междучеловеческих отношениях, – отмечает русский философ, – есть совершенно основной» [3, с. 16]. Без этого факта «не бывает никакой организации, никакого общежития»¹⁶. С точки зрения Тихомирова, бессмысленно рассуждать о том, составляет ли факт власти добро или зло, «ибо это значило бы подымать вопрос уже о направлении и употреблении власти, а не о ней самой по себе»¹⁷. «Относительно же власти, как о всех явлениях природы, можно лишь рассуждать – в смысле отыскания ее причин и следствий» [3, с. 17] (курсив наш. – И.Д.).

Власть и подчинение, способность властвовать и подчиняться в концепции Л.А. Тихомирова – не только первичные и неустрашимые факты социальной жизни, но и в известном смысле психологические условия, делающие возможной саму социальность: «сама способность группировки в некоторую коллективность обуславливается у людей их способностью властвовать и подчиняться»¹⁸. Власть и подчинение – «столь основные условия общественности, что все мечты построить общество без этой связи напоминают по фантастической неопределенности скорее туманные картины сновидений, нежели хотя бы даже плохое рассуждение человека»¹⁹.

Показывая неизбежность власти, ее *исконность* и *неустрашимость*, Л.А. Тихомиров оппонирует анархистским политическим теориям, рассматривающим власть как неизбежное зло. Власть как факт социально-психической жизни не есть ни добро, ни зло, этический характер принимают лишь конкретные действия власти, способы ее употребления. Более того, власть, будучи направляющей силой общества, не является чем-то внешним, гетерогенным по отношению к социальной жизни, она «сама порождается общественными силами, то есть, стало быть, в известном смысле им подчинена и без их поддержки не может существовать»²⁰.

Власть рассматривается Л.А. Тихомировым также и в качестве *универсального* начала, пронизывающего всю социальную жизнь. Проявление власти «видно решительно во всех междучеловеческих отношениях, <...> никогда и нигде не видно общежития без какой-либо власти и принуждения»²¹.

Универсальный психологический источник власти Л.А. Тихомиров усматривал в «свойстве всякого живого существа влиять на другое суще-

¹⁶ См.: Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 16.

²¹ Там же.

ство»²². При этом русский философ подчеркивал, что такое влияние «может быть для последнего приятным или неприятным, сознаваемым или несознаваемым, благотворным или губительным», оно «может проходить все градации от тончайшего нравственного до грубейшего физического насилия»²³. Для подведения тех или иных социальных фактов под понятие «власть» важно лишь то обстоятельство, что «один человек заставил или не допустил другого сделать нечто в противность собственному стремлению последнего»²⁴.

Как уже было отмечено, власть как *фундаментальное начало социальной жизни* в концепции Л.А. Тихомирова не описывается в этических категориях и не представляет сама по себе нравственной проблемы. В этой связи важно прояснить соотношение «власти» с такими этически нагруженными категориями, как «принуждение» и «свобода».

Понятие принуждения у Л.А. Тихомирова выводится из понятия власти: принуждение есть *следствие* властвования. Обратной стороной власти (властвования) выступает *подчинение*, однако не всякое подчинение есть подчинение *через принуждение и насилие*. Подчинение власти может быть и добровольным. «Власть, с одной стороны, и подчинение – с другой, – подчеркивал Л.А. Тихомиров, – вовсе не являются непременно результатом какого-либо насилия, подавления одной личности другою» [3, с. 17]. Развивая эту мысль, философ приходит к значимому тезису о том, что человек есть существо, которому свойственно «искание над собой власти». В искании над собой власти, в желании подчиниться Л.А. Тихомиров усматривает столь же исконное и естественное движение человеческой воли, как и в стремлении властвовать и повелевать другими. Данный момент представляется исключительно важным, поскольку здесь мы имеем дело с фундаментальной и далеко не в полной мере артикулированной в текстах русского философа философско-антропологической презумпцией.

Власть, которой человек стремится подчиниться, в конечном счете переживается им как «власть правды», «власть нравственного идеала». Подчинение этой власти не закрепощает, но освобождает человека, поскольку, «подчиняясь источнику правды, человек подчиняется не чему-либо чуждому, а только наиболее высокой части своего собственного “я”»²⁵. И хотя сознательное понимание этого психологического состояния, как отмечает Л.А. Тихомиров, «доступно только христианину, но смутное ощущение факта собственной природы свойственно всякому человеческому существу»²⁶. «Человек, – подчеркивает русский философ, – ищет правды и ищет именно для того, чтобы ей подчиниться» [4, с. 33]. Такое понимание сущности человека в значительной сте-

²² Там же.

²³ См.: Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. С. 16.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 33.

²⁶ Там же.

пени задает общие контуры и мировоззренческую направленность консервативной политической философии Тихомирова.

Таким образом, будучи возможным *следствием* власти, принуждение в трактовке Л.А. Тихомирова не составляет *сущности* властных отношений. Высший тип власти предполагает как раз свободное, добровольное подчинение.

Л.А. Тихомиров стремился показать неправомерность тех социальных и политических теорий (либеральных и анархистских), которые основаны на противопоставлении начал власти и свободы. «Власть» и «свобода», согласно трактовке русского философа, есть «различные проявления одного и того же факта», а именно «самостоятельности человеческой личности»²⁷. Понятие «самостоятельность» в данном контексте одновременно имеет и онтологический, и этический смысл, оно фиксирует бытийный статус человеческой личности, и задает нравственный идеал.

Из принципа автономии, самостоятельности личности вытекают, согласно Л.А. Тихомирову, оба состояния социального бытия – свобода и власть: «Если бы человек не был существом, заключающим в себе некоторую самостоятельную силу, если бы он был простым результатом каких-либо внешних влияний, он не был бы способен ни к состоянию свободы, ни к состоянию власти» [4, с. 27].

«Свобода» и «власть» рассматриваются Л.А. Тихомировым как различные, но неразрывно связанные и *взаимопроизводные* состояния и способности. Если «свобода» есть способность напряжения и концентрации внутренних сил для *преодоления* наличных условий и состояний, то «власть» есть способность *подчинения* внешних условий и внешних сил²⁸. Состояние власти, таким образом, оказывается *продолжением* состояния свободы, а последнее, в свою очередь, предполагает способность власти. «Свобода» отсылает к «власти», а «власть», в свою очередь, – к «свободе». Русский философ подчеркивал, что «способность свободы и власти прежде всего и чаще всего проявляется в отношении других личностей» [4, с. 27]. Иными словами, «свобода» и «власть» в концепции Л.А. Тихомирова рассматриваются *по преимуществу* как *социально-философские* категории, хотя при этом не исключается их употребление в более широком мировоззренческом контексте («свобода от внешних природных сил», «власть над природными стихиями», «власть правды», «власть идеи» и пр.).

Власть как способность и возможность, изначально присутствующая в социальном бытии, не является в концепции Л.А. Тихомирова прерогативой лишь немногих, избранных. Носителем власти в известной степени выступает *каждый*. Русский философ отмечал, что во взаимодействии со своим социальным окружением «каждый человек, смотря по обстоятельствам, является попе-

²⁷ См.: Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. С. 17.

²⁸ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 27.

ременно в состоянии свободы и власти»²⁹. Важно подчеркнуть, что состояние власти в концепции Л.А. Тихомирова не противопоставляется *состоянию подчинения*. «Гражданское состояние» описывается русским философом как «сплетение власти и подчинения»³⁰. Интенции *властвования* (осуществления власти) и *подчинения власти* не исключают, но предполагают друг друга. Нет властвования без подчинения, и невозможно властвовать, не подчиняясь. «Подчинение» выступает оборотной стороной власти, причем такое соотношение характерно и для общества в целом, и для всякой отдельно взятой личности, независимо от ее социального статуса и положения.

Понятие власти в социальной философии Б.П. Вышеславцева

Понимание природы власти у Б.П. Вышеславцева можно сформулировать в виде трех взаимосвязанных тезисов, которые по своему содержанию противоположны ключевым положениям политической философии Л.А. Тихомирова:

- 1) сущность власти антиномична: власть «богоугодна», но власть и «богопротивна»;
- 2) всякая власть есть принуждение, принуждение составляет сущностную характеристику власти;
- 3) власть всегда выступает в качестве гетерономного начала, бесконтрольность власти несовместима с принципом автономии, презумпцией свободы и достоинства личности.

Если в концепции Л.А. Тихомирова факт социальной власти рассматривался как религиозно-этически нейтральный, не содержащий в себе ни позитивной, ни негативной ценности, то в трактовке Б.П. Вышеславцева власть *сущностно антиномична*: она есть и позитивная, и негативная ценность одновременно, она «от дьявола» и она же «от Бога»³¹.

В способности видеть антиномичность всех исходных начал человеческого бытия Б.П. Вышеславцев видел признак подлинной философии. В отличие от таких не поддающихся рациональному разрешению антиномий, как «Богочеловечество», «провидение и свобода», антиномия власти (антиномия «богоугодности» и «богопротивности» власти) отчасти может быть разрешена.

Б.П. Вышеславцев отвергал представление о том, что власть является всего лишь «нейтральным орудием, или органом, который одинаково может служить добру и злу»³². Мысль о том, что «власть может быть всецело в руках дьявола, и та же самая власть может всецело перейти в руку Божию»³³, не раз-

²⁹ Там же. С. 28.

³⁰ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 28.

³¹ См.: Вышеславцев Б.П. Проблема власти и ее религиозный смысл. С. 6.

³² Там же. С. 7.

³³ Там же.

решает антиномию власти. Власть в трактовке Б.П. Вышеславцева *не нейтральна*, она «содержит в себе некоторое принципиальное зло»³⁴, и в то же время «нести власти еще не от Бога». Заметим, что в философско-политической концепции Л.А. Тихомирова власть как неустранимый компонент социальной жизни полагалась именно в качестве *этически нейтрального (неантиномического) начала*.

Раскрывая религиозно-этическую антиномичность христианского понимания власти, Б.П. Вышеславцев последовательно отвергал как этатизм («абсолютизм власти»), так и «наивный анархизм». Будучи противоположными по своему содержанию и своей идеологической направленности, эти политико-мировоззренческие установки проистекают из одной и той же ошибки – неспособности видеть антиномию власти и осознавать «трагизм власти». Если наивный этатизм утверждает «тезис власти» (всякая власть от Бога) и отвергает «антитезис безвластия» («вся власть принадлежит дьяволу»), то наивный анархизм мыслит прямо противоположным образом³⁵.

Б.П. Вышеславцев последовательно различает власть в буквальном (социально-психологическом и политическом) смысле и власть в переносном, метафорическом смысле. Так, во всех случаях, когда говорится о «власти идеи», «власти любви», «власти красоты», термин «власть» используется метафорически, в значении «силы», «могущества»³⁶. О власти в строгом смысле слова можно говорить лишь там, где имеется взаимодействие живых и сознательных существ.

Еще менее допустимо, с точки зрения русского философа, смешение «власти земной» и «власти небесной». В таких выражениях, как «власть Бога», «власть Христа», «Царство Божие», понятия «власть» и «царство» не содержат отсылок к социально-политической проблематике, а потому заложенный в этих выражениях смысл ничего не дает для понимания природы мирской, земной власти. Антиномична, согласно Б.П. Вышеславцеву, именно *мирская* власть, а Царство Божие – не антиномично. «“Царство Божие”, – отмечал русский философ, – ни в каком случае не может подкреплять *тезис власти* и не может быть вставлено в этот тезис и введено в антиномию» [9, с. 11].

Тот факт, что Бог в Библии именуется «царем», не может служить оправданием власти вообще и монархической власти в частности. Б.П. Вышеславцев писал: «Навсегда должны быть оставлены попытки санкционировать и оправдать земную власть тем, что Бог называется небесным Царем. Скорее, наоборот, сияние этого Царства как бы сжигает всякую земную власть» [9, с. 10].

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Вышеславцев подробно рассматривает «анархистские» и «этатистские» мотивы в Библии и Святоотеческой традиции, разбирает библейские аргументы в пользу богоугодности и богопротивности власти, божественности власти и «демонизма» власти.

³⁶ См.: Вышеславцев Б.П. Проблема власти и ее религиозный смысл. С. 11.

Главную ошибку всех теоретиков монархизма и «абсолютизма власти» Вышеславцев видел в том, что они «святость власти, святость монархии» пытались «доказывать тем, что Бог есть Царь, и самодержец, и абсолютный монарх»³⁷. Вся суть монархической идеи может быть выражена в пословице: «что Бог на небе, то царь на земле»³⁸. Русский философ полагал, что теоретики монархизма, начиная с Ивана Грозного, не только ошибочно уподобляли власть земного царя «власти» Бога, игнорируя антиэтатистские и анархистские мотивы в христианском вероучении, но и оказывались совершенно нечувствительными к антиномичности власти. Монархическая и этатистская политическая философия «знает только тезис власти», но полностью игнорирует антитезис. Эта философия «покоится на смешении “царства” в тесном смысле и “Царства” в переносном символическом смысле»³⁹ и объявляется Б.П. Вышеславцевым *антихристианской* и *антибиблейской*. Русский философ подчеркивал, ссылаясь, кстати, на концепцию Л.А. Тихомирова, что «абсолютизм власти есть теория языческая, во всем противоположная древнееврейскому и христианскому мирозерцанию»⁴⁰.

Что позволяет Б.П. Вышеславцеву не только различать, но и *противопоставлять* «земную власть» и «Царство Небесное»? Что придает земной власти антиномический характер? Не что иное, как гетерономность властного приказа, необходимость подвластного подчиняться *чужой* (а зачастую и *чуждой*) воле. В этой связи представляется важным проводимое в «Этике преображенного Эроса» противопоставление понятий «призыв» и «приказ». «“Призыв”, – отмечает русский философ, – не есть “приказание”, не есть власть и подчинение», «призыв» есть «встреча двух свобод, двух волей – божеской и человеческой», в «приказе» же одна человеческая воля подчиняет себе другую»⁴¹.

Именно момент подчинения гетерономному приказу, составляющий самую суть *мирской* власти, и отсутствует в христианской идее «Царства Божия»: «Если всякая власть есть принуждение, то ясно, что принуждению нет места в Царстве Божиим», однако всякое земное «царство» «есть власть и, следовательно, принуждение»⁴². По Б.П. Вышеславцеву, принуждение (подчиненность воли гетерономному приказу) является тем «неизбежным злом», которое придает власти неустранимо антиномический характер, «власть “князя мира сего” содержит в себе некоторое неизбежное зло (меч и принуждение) – Царство “не от мира сего” никакого неизбежного зла, конечно, в себе не содержит», Бог не принуждает, а потому и не может мыслиться в качестве «владельца»⁴³.

³⁷ См.: Вышеславцев Б.П. Проблема власти и ее религиозный смысл. С. 9.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. С. 90.

⁴² См.: Вышеславцев Б.П. Проблема власти и ее религиозный смысл. С. 8.

⁴³ Там же.

Описывая психологический генезис отношений власти (властеотношений), Б.П. Вышеславцев проводит аналогию с гипнозом и внушением. Сущность власти состоит в том, что «чужое “я” в некоторых отношениях занимает место моего собственного “я”, что характерно для феномена внушения»⁴⁴. Подчинение власти квалифицируется русским философом как *самоотчуждение*: «совершается как бы временная потеря своего “я”, *самоотчуждение*, превращение себя в *орудие чужой воли*»⁴⁵. Так понятая власть не может считаться исконным и неустрашимым началом социальной жизни. В рецензии Б.П. Вышеславцева на книгу С.Л. Франка «Духовные основы общества» прямо утверждается, что «власть не есть конструктивная категория социального бытия», и «идеальная власть есть та, которая наименее властвует»⁴⁶.

Сущностную характеристику власти Б.П. Вышеславцев усматривает в ее *непроницаемости* для подчиняющегося. Непроницаемость (бесконтрольность) властного приказа является чертой власти *как таковой*, а не только власти деспотической: «в самой культурной, законной власти, далекой от всякого деспотизма, присутствует этот момент абсолютности, бесконтрольности, *непроницаемости приказа* для подчиняющегося» [9, с. 14]. В трактовке Б.П. Вышеславцева особенно подчеркивается, что подчиняющийся (хотя бы и «добровольно») с необходимостью видит во власти *гетерономное* начало: «Существенно то, что повинующийся совершенно не имеет права ставить свое повиновение в зависимость от *оценки приказа*, от *оценки его разумности*, целесообразности, полезности. Приказ действует вполне *гетерономно*, во всяком приказе есть некоторый момент *абсолютного произвола и бесконтрольности*» [9, с. 13].

Власть как бесконтрольное и гетерономное принуждение оказывается началом, противостоящим принципу нравственной автономии личности. Под «автономией» Б.П. Вышеславцев понимает «право и обязанность подчиняться только тому закону и той власти, которые нами самими признаны и установлены»⁴⁷.

Примечательно, что в трактовке Б.П. Вышеславцева роли «властвующего» и «подвластного» концептуально разделены и альтернативны: субъект *или* властвует, *или* подчиняется, он *или* осуществляет свою волю, *или* выступает орудием воли чужой. Это разделение переносится русским философом и на область философско-политической рефлексии: «Все политические теории всегда строились или с точки зрения властвующих, или с точки зрения подвластных, строились или людьми, желавшими властвования и подчинения, или людьми, утверждавшими свободу и в принципе не желавшими ни властвования, ни подчинения» [10, с. 178]. В противопоставлении власти и свободы дает о себе знать фундаментальная предпосылка, согласно которой власть хотя и

⁴⁴ См.: Вышеславцев Б.П. Проблема власти и ее религиозный смысл. С. 13.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Вышеславцев Б.П. С. Франк. Духовные основы общества // Путь. 1930. № 20. С. 110 [26].

⁴⁷ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 200.

присутствует на всех уровнях социальной жизни, но является *гетерогенным* по отношению к личностному бытию началом.

Представленная в работах Б.П. Вышеславцева трактовка категории власти опирается на иные философско-антропологические основания, нежели политическая теория Л.А. Тихомирова, в которой, как мы видели, «власть» и «свобода» рассматривались в качестве двух взаимосвязанных проявлений одного и того же начала – самостоятельности человеческой личности. «Нет никакого сомнения, – писал Б.П. Вышеславцев, – в том, что самосознание рождается от восстания, в конфликте, в столкновении спонтанных влечений, идущих изнутри, из центра, из самости, – с воздействиями, влияниями, насилиями, императивами, идущими извне, от “не-я”, от внешнего мира и от других людей. Отсюда – *революционный характер всякой автономии*. В столкновении с внешним миром (с социальным и природным) рождается самосознание; в столкновении с гетерономией рождается автономия» [10, с. 192–193] (курсив наш. – И.Д.). Если в концепции Л.А. Тихомирова в качестве первичной и естественной интенции человеческой личности полагалось *искание власти над собой, стремление подчиниться верховной власти* (как «власти правды»), то у Б.П. Вышеславцева исходным антропологическим актом признается *восстание, протест* личности против «гетерономных приказов и запретов социальной среды»⁴⁸. Здесь мы имеем дело с принципиальной несовместимостью двух мировоззренческих и философско-антропологических установок. В концепции Л.А. Тихомирова власть не рассматривается как внешнее, гетерономное и враждебное личностному бытию начало, тогда как Б.П. Вышеславцев констатирует изначальный конфликт между автономией личности и гетерономией властного приказа.

Антиномия власти раскрывается и конкретизируется Б.П. Вышеславцевым как *антиномия власти и права*. Начала власти и права неразрывно связаны друг с другом («нераздельны и неслиянны»), и в то же время они находятся в постоянной борьбе: «Власть всегда стремится сбросить с себя оковы права и всегда получает известную сферу, непроницаемую для права. Право всегда стремится подчинить себе власть, сублимировать власть, сделать ее ненужной, ибо право есть, по своей идее, взаимодействие свободных и равных лиц, есть идея безвластной организации» [10, с. 177]. Б.П. Вышеславцев противопоставляет «диктатуру» и «демократию» как два противоположных способа решения антиномии власти и права⁴⁹. «Демократия» подчиняет власть началу нравственно-правовой автономии личности, тогда как «диктатура» знаменует собой торжество гетерономного регулирования⁵⁰.

⁴⁸ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры... С. 193.

⁴⁹ См.: Власкин А.Г. Проблемы демократии в социальной философии русского зарубежья (Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, Ф.А. Степун) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. № 1. С. 139–147 [27].

⁵⁰ См. об этом подробнее: Алешин А.И. Проблема власти в творчестве Б.П. Вышеславцева.

Оправдание власти: идеократия или демократия?

Наиболее отчетливо несовместимость двух трактовок власти, представленных в концепциях Л.А. Тихомирова и Б.П. Вышеславцева, проявляется в отношении философов к *принципу идеократии*.

Ключевую роль в философско-политической концепции Л.А. Тихомирова, как известно, имеет различие понятий «верховная власть» и «власть управительная»⁵¹. Верховная власть едина, управительная же власть всегда функционально разделена, распределена (принцип «разделения власти», согласно Л.А. Тихомирову, применим лишь к власти *управительной*, но никак не к власти *верховой*). Верховная власть является источником позитивно-правовых норм (и в этом смысле она стоит не только над законом, но и над государственным правопорядком); управительная же власть всегда функционирует в рамках существующей системы позитивного права⁵². Не углубляясь в эти различия, остановимся на тезисе об идеократической природе верховной власти.

В концепции Л.А. Тихомирова верховная власть ограничена не юридически, но *этически* и *аксиологически*, иными словами, она ограничена только *содержанием собственной идеи*. Это и означает, что «всякая верховная власть идеократична, т.е. находится единственно под властью своего идеала»⁵³. Важно подчеркнуть, что идеократией, согласно Л.А. Тихомирову, является не только *монархическая* верховная власть, но и *демократическая*, и *аристократическая*⁵⁴. Всякая верховная власть есть *власть идеи, идеократия*, но только монархическая власть является властью *нравственного идеала*. «Монархия, – писал Л.А. Тихомиров, – есть верховенство нравственного идеала» [4, с. 579]. Этот идеал «живет и в душе подданных, становясь государственно верховным *только потому, что каждый гражданин признает его верховенство в душе своей*»⁵⁵ (курсив наш. – *И.Д.*). Таким образом, каждый гражданин государства «есть как бы создатель Верховной власти монарха, сходно с тем, как в демократии каждый гражданин есть частичка Верховной власти самодержавного

⁵¹ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 47–55.

⁵² См.: Ермашов Д.В. Теория власти и государственности Л. А. Тихомирова // PolitBook. 2012. № 4. С. 96–103 [28]; Попов Э.А. Проблема верховной власти в политико-правовых доктринах Л.А. Тихомирова и Б.Н. Чичерина.

⁵³ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 75–76.

⁵⁴ «Монархия», «аристократия» и «демократия» рассматриваются Тихомировым в качестве трех равноисходных и «вечных» принципов верховной власти. Форма верховной власти (монархическая, аристократическая или демократическая) определяется духовным состоянием нации и, в свою очередь, выражает представления народа об общественном идеале. «В той или иной форме Верховной власти, – подчеркивал русский философ, – выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни» [4, с. 76]. Именно «идеократическая подкладка верховной власти» позволяет Л.А. Тихомирову устанавливать связь между формами власти и «нравственным состоянием нации» (см.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 76).

⁵⁵ Там же. С. 579.

народа»⁵⁶. Верховная власть, понятая как идеократия, оказывается не возвышающейся над стихией общественной жизни *инстанцией*, но *делом, в котором объективно соучаствуют все*.

Сущность монархической верховной власти раскрывается Л.А. Тихомировым сквозь призму *идеи служения*. Монарх несет в своем царствовании службу Богу, «подобно тому, как и каждый подданный, в своем долге семейном и общественном, исполняет известную малую миссию, Богом назначенную»⁵⁷. «Служение» выступает здесь не только в качестве характеристики монархической власти и монархического правосознания, но и как *всеобщее начало*, пронизывающее общественную жизнь.

Начало служения в концепции Л.А. Тихомирова является религиозно-этическим *оправданием* верховной (юридически не ограниченной) власти. Самодержавная власть монарха законна⁵⁸ потому, что направлена на служение нравственному идеалу. Власть неоспорима, пока совпадает с идеалом, и «становится узурпацией, тиранией, олигархией или охлократией, когда сама выходит из подчинения ему»⁵⁹. Пределы, определяющие нравственную законность или незаконность верховной власти, согласно Л.А. Тихомирову, «не подлежат точной формулировке, но всегда чувствуются нацией»⁶⁰. Утрачивая связь с нравственным идеалом, с духовной жизнью нации, отступаясь от идеократического элемента (переставая быть идеократией), верховная власть становится *незаконной, узурпаторской*.

Каким бы принципом (монархическим, аристократическим или демократическим) ни руководствовалась верховная власть, по своей сути она всегда остается идеократией. Причем «властвующая идея» в концепции Л.А.Тихомирова не может быть сведена к «идеологии», которую принимают и используют «власть имущие». «Властвующая идея» – это нравственное основание всякого государственно-политического порядка, а не орудие политического господства. «Властвующая идея» выражает единство и властвующих, и подвластных, и руководителей, и подчиненных. Важно отметить, что «идеократия» для Л.А. Тихомирова не является всего лишь метафорой. Выражение «власть идеи» не более метафорично, чем «власть одного человека над другим». «Идея» в концепции Л.А. Тихомирова понимается скорее в платоновском, нежели в кантовском смысле. «Идея» выступает *конститутивным* началом государственно-политической жизни при всякой форме власти.

Если в политической философии Л.А.Тихомирова идеократический элемент репрезентирует духовно-нравственный смысл государственно-

⁵⁶ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 579.

⁵⁷ Там же. С. 121.

⁵⁸ Верховная власть не может быть законной или незаконной в *юридическом* смысле, но только в *религиозно-этическом*.

⁵⁹ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 76.

⁶⁰ Там же.

политической жизни, то в концепции Б.П. Вышеславцева «идеократия» становится жупелом и главным объектом критики.

Исторически первое и наиболее последовательное обоснование идеократии, идеократической государственности, Б.П. Вышеславцев находил в политическом учении Платона. Платон «исходил из полного отрицания “демократии” и противопоставлял ей идеократию, т.е. как раз господство единой идеи, единой веры, единого обязательного мирозозерцания в государстве»⁶¹. Для Платона «власть непосредственно насаждает добро и истину»⁶². В этом, согласно Б.П. Вышеславцеву, и состоит суть идеократии. Неправду идеократии русский философ видел в том, что «в числе идей, сублимирующих власть, облагораживающих ее и делающих мудрой (т.е. властью философов), – нет идеи личности и свободы, нет идеи субъективного права, нет идеи свободной гармонии» [10, с. 189]. Данное обстоятельство, согласно Б.П. Вышеславцеву, не является простым упущением Платона и его последователей, но выражает природу идеократической государственности.

В политической концепции Л.А. Тихомирова «идеократия» рассматривается как общее, родовое понятие, а «демократия» – как понятие видовое, у Б.П. Вышеславцева же «демократия» и «идеократия» оказываются несовместимыми типами власти и способами организации государственно-политической жизни. Идеократия, согласно Б.П. Вышеславцеву, есть диктатура, «тирания идей». В этом качестве она оказывается «величайшим злом», «даже если эти идеи вовсе не ложны»⁶³. Идеократическая государственность несовместима с принципом духовной автономии личности: «то, что Платон упустил в своей философии, было идеей абсолютной ценности личности, идеей свободной индивидуальности и ее неотчуждаемых прав» [10, с. 198].

Как видим, и Л.А. Тихомиров, и Б.П. Вышеславцев поднимали вопрос о религиозно-этическом оправдании власти, но решали его противоположным образом.

В философской концепции Л.А. Тихомирова власть оправдана и законна именно как *идеократия* и в той мере, в какой она сохраняет связь со своей конститутивной идеей, выражает и утверждает духовный идеал нации. В концепции Б.П. Вышеславцева власть рассматривается как начало, отчуждающее человека от самого себя. «Умаление самости, – писал он, – неизбежно во всяком властном отношении» [10, с. 190]. Начало власти предполагает гетерономный приказ или запрет, а потому враждебно началу свободы и автономии личности. Власть содержит в себе момент бесконтрольности и произвола, а потому нуждается в оправдании, «облагораживании», «сублимации». Сублимация власти

⁶¹ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. С. 198.

⁶² Там же. С. 189.

⁶³ Там же. С. 198.

осуществляется посредством *права*⁶⁴. Оправдание власти Б.П. Вышеславцев видел в том, что она служит праву и действует в формах права. Право делает власть осмысленной и сублимированной силой, никогда, впрочем, не устранив до конца ту «демоническую» ее сторону, которая выражается в понятиях «насилие», «принуждение», «гетерономия», «произвол».

Подведем итог. Обращаясь к проблеме сущности власти, оба философа стремились опираться на христианское учение о человеке, рассматривали «власть» в перспективе выработки и обоснования целостного христианского миропонимания. При этом Л.А. Тихомиров в своей философско-политической концепции делал однозначный выбор в пользу идеократии и монархической государственности, тогда как Б.П. Вышеславцев связывал возможность утверждения христианского понимания сущности власти с политической демократией и либеральной моделью правового государства.

Л. А. Тихомиров рассматривал власть как первичное и конститутивное начало социальной жизни, не противостоящее идее самостоятельности и автономии личности. Б.П. Вышеславцев же видел сущность власти в гетерономном принуждении, несовместимом с христианским пониманием свободы.

Несовместимость двух трактовок власти объясняется не только тем обстоятельством, что русские философы по-разному определяли объем понятия «власть», но и тем, что в трактовке проблемы власти они руководствовались различными философско-антропологическими презумпциями. Если Б.П. Вышеславцев ограничивал объем понятия «власть» областью социально-психологических и политических взаимодействий, то Л.А. Тихомиров включал в него феномены духовного влияния и духовного авторитета («власть идеи», «власть идеала», «власть правды»).

Консервативная философско-политическая концепция Л.А. Тихомирова опирается на понимание человека как существа, стремящегося не столько властвовать над другими, сколько подчиняться верховной власти идеи (идеократии), тогда как либеральная политическая философия Б.П. Вышеславцева базируется на иной философско-антропологической презумпции. Согласно этой презумпции первичной и естественной интенцией человеческой самости признается не стремление властвовать над другими и не искание власти над собой, но восстание против гетерономного властного приказа.

Список литературы

1. Матвейчев О.А. Понятие власти и эволюция либерализма // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 62–82.
2. Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара: Самарский университет, 2009. 248 с.

⁶⁴ См. об этом: Дядина Е.А. Проблемы человека и культуры в философии Б. П. Вышеславцева: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000 [29]; Абрамова А.В. Этика сублимации Б.П. Вышеславцева: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2007 [30].

3. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М.: Унив. тип., 1897. 135 с.
4. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / вступ. ст. С. Сергеева. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
5. Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная. М.: Унив. тип., 1896. 188 с.
6. Тихомиров Л.А. Социализм в государственном и общественном отношении. М.: типолит. И. Ефимова, 1907. 55 с.
7. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994. С. 14–152.
8. Вышеславцев Б.П. Социальный вопрос и ценность демократии // Новый Град. 1932. № 2. С. 39–50.
9. Вышеславцев Б.П. Проблема власти и ее религиозный смысл // Путь. 1934. № 42. С. 3–21.
10. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 285 с.
11. Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX–начале XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007. 48 с.
12. Алешин А.И. Критика Б.П. Вышеславцевым философии К. Маркса и индустриализма // Борис Петрович Вышеславцев / под ред. А.И. Алешина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 258–316.
13. Кудрявцев В.К., Ширинянц А.А. Идеалы и политика: монархическая государственность Л.А. Тихомирова // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 45–50.
14. Смолин М.Б. Государственные идеи Льва Тихомирова // Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии / сост., вступит. ст. и примеч. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1999. С. 5–18.
15. Попов Э.А. Проблема верховной власти в политико-правовых доктринах Л.А. Тихомирова и Б.Н. Чичерина // Философия права. 2005. № 2(14). С. 14–17.
16. Камнев В.М. Русская консервативная мысль XIX – начала XX века. Опыт типологии. СПб.: Наука, 2012. 157 с.
17. Гаврюшин Н.К. Б.П. Вышеславцев и его «философия сердца» // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 55–62.
18. Алешин А.И. Проблема власти в творчестве Б.П. Вышеславцева // Борис Петрович Вышеславцев / под ред. А.И. Алешина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 246–257.
19. Осипов И.Д. Антитеза закона и благодати в антропологии права Б. П. Вышеславцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 2. С. 44–50.
20. Соболев А.В. Б.В. Вышеславцев: творческий облик // Борис Петрович Вышеславцев / под ред. А.И. Алешина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9–20.
21. Шестопалов С.В. Аксиология права в философии российского консерватизма: Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2009. 160 с.
22. Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. 1961. Vol. 20, № 1. P. 45–63.
23. Thaden Edward C. Conservative nationalism in nineteenth century Russia. Washington: Univ. press, Seattle, 1964. P. 181–221.
24. Gleason A. The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. 1967. Vol. 36, № 3. P. 414–429.
25. Wada H. Lev Tikhomirov: His Thought in His Later Years, 1913–1923. Tokyo, 1987. 42 p.
26. Вышеславцев Б.П. С. Франк. Духовные основы общества // Путь. 1930. № 20. С. 107–111.
27. Власкин А.Г. Проблемы демократии в социальной философии русского зарубежья (Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, Ф.А. Степун) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, № 1. С. 139–147.
28. Ермашов Д.В. Теория власти и государственности Л.А. Тихомирова // PolitBook. 2012. № 4. С. 96–103.

29. Дядина Е.А. Проблемы человека и культуры в философии Б.П. Вышеславцева: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 176 с.

30. Абрамова А.В. Этика сублимации Б.П. Вышеславцева: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2007. 138 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Tikhomirov, L.A. *Demokratiya liberal'naya i sotsial'naya* [Democracy liberal and social]. Moscow: Univ. tip., 1896. 188 p.

2. Tikhomirov, L.A. *Edinolichnaya vlast' kak printsip gosudarstvennogo stroeniya* [Sole power as a principle of state structure]. Moscow: Univ. tip., 1897. 135 p.

3. Tikhomirov, L.A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchic statehood]. Moscow: GUP «Oblizdat»; TOO «Alir», 1998. 672 p.

4. Tikhomirov, L.A. *Sotsializm v gosudarstvennom i obshchestvennom otoshenii* [Socialism in state and public relations]. Moscow: tipo-lit. I. Efimova, 1907. 55 p.

5. Vysheslavtsev, B.P. *Etika preobrazhennogo Erosa* [The Ethics of transformed Eros]. Moscow: Respublika, 1994. 368 p.

6. Vysheslavtsev, B.P. *Krizis industrial'noy kul'tury: marksizm, neosotsializm, neoliberalizm* [Crisis of industrial culture: Marxism, Neo-Socialism, Neo-Liberalism]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2017. 285 p.

7. Vysheslavtsev, B.P. Problema vlasti i ee religioznyy smysl [The problem of power and its religious meaning], in *Put'*, 1934, no. 42, pp. 3–21.

8. Vysheslavtsev, B.P. S. Frank. Dukhovnye osnovy obshchestva [S. Frank. Spiritual foundations of society], in *Put'*, 1930, no. 20, pp. 107–111.

9. Vysheslavtsev, B.P. Sotsial'nyy vopros i tsennost' demokratii [The social question and the value of democracy], in *Novyy Grad*, 1932, no. 2, pp. 39–50.

(Articles from Scientific Journals)

10. Ermashov, D.V. Teoriya vlasti i gosudarstvennosti L.A. Tikhomirova [L.A. Tikhomirov's Theory of Power and Statehood], in *PolitBook*, 2012, no. 4, pp. 96–103.

11. Gavryushin, N.K. B.P. Vysheslavtsev i ego «filosofiya serdtsa» [B.P. Vysheslavtsev and his “philosophy of the heart”], in *Voprosy filosofii*, 1990, no. 4, pp. 55–62.

12. Gleason, A. The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov, in *Slavic Review*, 1967, vol. 36, no. 3, pp. 414–429.

13. Kudryavtsev, V.K., Shirinyants, A.A. Idealy i politika: monarkhicheskaya gosudarstvennost' L.A. Tikhomirova [Ideals and Politics: Monarchical Statehood of L.A. Tikhomirov], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 2008, no. 6, pp. 45–50.

14. Matveychev, O.A. Ponyatie vlasti i evolyutsiya liberalizma [The Concept of Power and the Evolution of Liberalism], in *Tetrady po konservatizmu*, 2021, no. 3, pp. 62–82.

15. Osipov, I.D. Antiteza zakona i blagodati v antropologii prava B.P. Vysheslavtseva [The antithesis of law and grace in B.P. Vysheslavtsev's anthropology of law], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otosheniya*, 2008, no. 2, pp. 44–50.

16. Popov, E.A. Problema verkhovnoy vlasti v politiko-pravovykh doktrinach L.A. Tikhomirova i B.N. Chicherina [The problem of supreme power in the political and legal doctrines of L.A. Tikhomirov and B.N. Chicherin], in *Filosofiya prava*, 2005, no. 2(14), pp. 14–17.

17. Tidmarch, K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism, in *Russian Review*, 1961, vol. 20, no. 1, pp. 45–63.

18. Vlaskin, A.G. Problemy demokratii v sotsial'noy filosofii russkogo zarubezh'ya (B.P. Vysheslavtsev, S.I. Gessen, F.A. Stepun) [Problems of Democracy in the Social Philosophy of the Russian Diaspora (B.P. Vysheslavtsev, S.I. Gessen, F.A. Stepun)], in *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2010, vol. 11, no. 1, pp. 139–147.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

19. Aleshin, A.I. Kritika B.P. Vysheslavtsevym filosofii K. Marksa i industrializma [B.P. Vysheslavtsev's Criticism of Philosophy of K. Marx and Industrialism], in *Boris Petrovich Vysheslavtsev*. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 258–316.

20. Aleshin, A.I. Problema vlasti v tvorchestve B.P. Vysheslavtseva [The Problem of Power in the work of B.P. Vysheslavtsev], in *Boris Petrovich Vysheslavtsev*. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 246–257.

21. Smolin, M.B. Gosudarstvennye idei L'va Tikhomirova [State Ideas of Lev Tikhomirov], in Tikhomirov, L.A. *Apologiya Very i Monarkhii* [Apology of Faith and Monarchy]. Moscow: Moskva, 1999, pp. 5–18.

22. Sobolev, A.V. B.V. Vysheslavtsev: tvorcheskiy oblik [B.P. Vysheslavtsev: creative look], in *Boris Petrovich Vysheslavtsev*. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 9–20.

23. Thaden Edward C. *Conservative nationalism in nineteenth century Russia*. Washington: Univ. press, Seattle, 1964. P. 181–221.

(Monographs)

24. Kamnev, V.M. *Russkaya konservativnaya mysl' XIX – nachala XX veka. Opyt tipologii* [Russian conservative thought of the 19th – early 20th centuries. Typology experience]. Saint-Petersburg: Nauka, 2012. 157 p.

25. Solov'eva, S.V. *Na storone vlasti: ocherki ob ekzistentsial'nom smysle vlasti* [On the Side of Power: Essays on the Existential Meaning of Power]. Samara: Samarskiy universitet, 2009. 248 p.

26. Wada H. *Lev Tikhomirov: His Thought in His Later Years, 1913–1923*. Tokyo, 1987. 42 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

27. Abramova, A.V. *Etika sublimatsii B.P. Vysheslavtseva*. Diss. ... kand. filos. nauk [B.P. Vysheslavtsev's Ethics of Sublimation. Cand. philos. sci. diss.]. Tula, 2007. 138 p.

28. Dyadina, E.A. *Problemy cheloveka i kul'tury v filosofii B.P. Vysheslavtseva*. Diss. ... kand. filos. nauk [Problems of Man and Culture in B.P. Vysheslavtsev's Philosophy. Cand. philos. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2000. 176 p.

29. Milevskiy, O.A. L.A. *Tikhomirov: iz istorii formirovaniya konservativnoy mysli v Rossii v kontse XIX–nachale XX vekov*. Avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk [L.A. Tikhomirov: from the History of the Formation of Conservative Thought in Russia in the late 19th and early 20th centuries. Abstr. Dr. hist. sci. diss.]. Tomsk, 2007. 48 p.

30. Shestopalov, S.V. *Aksiologiya prava v filosofii rossiyskogo konservatizma: L.A. Tikhomirov, I.A. Il'in*. Diss. ... kand. filos. nauk [Axiology of Law in the Philosophy of Russian Conservatism: L.A. Tikhomirov, I.A. Ilyin. Cand. philos. sci. diss.]. Tula, 2009. 160 p.